

К биографии профессора Константина Владимировича Ромодановского

В одной из книг, посвященных созданию и становлению крупнейшего музыкального театра Сибири — Новосибирского академического театра оперы и балета, ее авторы М.И. Рубина и И.Я. Вершинина поместили отобранные ими яркие свидетельства очевидцев происходивших событий, новаторских дерзаний молодого творческого коллектива. Наряду с воспоминаниями дирижеров, хормейстеров, музыкантов, певиц и певцов, балерин и танцовщиков они в специальной рубрике «Слово о театре» привели многочисленные свидетельства зрителей и почитателей высокого классического искусства. Слово было предоставлено и трем пятиклассникам новосибирской средней школы № 22, которые в 1949 г. трепетно изложили свои впечатления от премьеры балета «Аленький цветочек». От имени детей Новосибирска они писали: «Гордимся тем, что мы, дети Новосибирска, первыми в стране увидели балет К. Корчмарева „Аленький цветочек“. Спектакль нам очень понравился. Его герои — чудесная русская девушка Маша, смелый, ловкий Ваня — их нельзя не полюбить. Красивы танцы стрекоз, цветов, огня, оригинальны скатерть-самобранка и самовар. Замечательны декорации, они действительно сказочные. Нам очень понравилось, что в балете есть русские народные танцы, родная русская музыка»¹. Первой среди пятиклассниц значится Лена Ромодановская, следом идут ее школьные подруги — Ида Трищенко и Рита Кучерова.

Нет ничего удивительного, что и спустя десятилетия известного сибирского филолога Елену Константиновну Ромодановскую, несмотря на чрезвычайную занятость, можно было видеть на премьерных спектаклях почитаемого с детских лет оперного театра и замечательных симфонических концертах Новосибирской филармонии. По-видимому, приведенный отзыв о балетном спектакле можно считать одним из первых ее опытов критического осмысления художественного произведения. Интерес к классической музы-

ке, вероятно, культивировался в семье, и документальным подтверждением тому отчасти служат сохранившиеся в Государственном архиве Новосибирской области письма отца Елены Константиновны — Константина Владимировича Ромодановского.

Видный сибирский ученый-медик, профессор, анатом, Константин Владимирович стоял у истоков новосибирской школы лимфологов. Память о нем бережно сохраняется в учебных, исследовательских и лечебных учреждениях городов, где он трудился². Его идеи нашли свое продолжение и развитие в трудах коллег и учеников, многие из которых достигли вершин профессионального мастерства. Учеником Константина Владимировича является и Ю.И. Бородин, академик РАМН, возглавлявший ее Сибирское отделение в ранге вице-президента АМН СССР, создатель и первый директор Института клинической и экспериментальной лимфологии СО РАМН, неизменно отмечающий свою принадлежность к медицинской школе и научным идеям своего учителя.

К.В. Ромодановский родился в Самаре в 1889 г., начал свой профессиональный путь в Казани, где в 1912 г. окончил с золотой медалью медицинский факультет императорского университета. Его учителем был один из крупнейших отечественных анатомов — профессор В.Н. Тонков, будущий академик АМН СССР и президент Военно-медицинской академии в Петрограде, долгие годы возглавлявший кафедру нормальной анатомии этого учебного заведения. Как стало известно совсем недавно, именно профессор В.Н. Тонков был тайным хранителем изъятых в 1918 г. мощей преподобного Александра Свирского, которые поступили в фундаментальный анатомический музей руководимой им академией и сберегались на его кафедре негласно, без внесения в описи и реестры, вплоть до их повторного обретения в 1998 г.

До начала Первой мировой войны К.В. Ромодановский служил земским врачом в од-

ном из уездов Симбирской губернии, затем в военное время в действующей армии — ординатором в дивизионном лазарете и военным врачом в гусарском и стрелковом полках. После ее завершения работал помощником прозектора кафедры анатомии в родном Казанском университете. В годы Гражданской войны находился на территории, занятой Белым движением. Был мобилизован в армию Колчака, служил военным врачом в кавалерийском полку. В конце 1919 г. сдался в плен в Красноярске. В тяжелейших условиях, когда одна эпидемическая волна сменяла другую, трудился в этом городе главным врачом организованной им инфекционной больницы и заведующим патологоанатомической лабораторией. В подготовленном для чекистов списке ушедших с Колчаком сотрудников Казанского университета среди преподавателей кафедры анатомии К.В. Ромодановский числился вместе с ее заведующим, профессором Н.Д. Бушмакиным, будущим ректором Иркутского государственного университета и организатором Хабаровского мединститута³.

С установлением советской власти в Сибири десять лет жизни, с 1921 по 1931 г., Константин Владимирович отдал Омскому (Западно-Сибирскому до 1925 г.) медицинскому институту, в котором был ректором (первый ректор скороотечно скончался от сыпного тифа) и заведующим кафедрой анатомии человека, стоял у истоков организации других кафедр. На его долю выпал тяжелейший период создания и становления этого института. В конце деятельности К.В. Ромодановского на посту руководителя Омского мединститута бывший заведующий Сибнаробразом Д.К. Чудинов отозвался о нем следующим образом: «Теперь, когда вспоминаешь механизм организации медицинского института, то невольно поражаешься тому факту, что всю организационную работу вынес на своих плечах доктор Ромодановский. <...> В одном месте он брал настойчивостью, в другом — личным знакомством, в третьем — покорностью, вообще мог идти на все. И в результате — медицинский институт возник и развился почти из ничего»⁴.

В 1927 г. К.В. Ромодановский получил возможность повысить свой профессиональный уровень в Германии. По возвращении под впечатлением от частных коллекций немецких анатомов создал вместе с братом А.В. Ромодановским общедоступный анатомический

музей Омского мединститута, в котором брат, проявивший уникальные способности по изготовлению музейных препаратов, проработал лаборантом практически всю жизнь⁵. Предвоенное десятилетие Константин Владимирович находился в Ленинграде, куда был приглашен для создания нового типа медицинского учреждения (вуза-больницы) — первого в мире специализированного педиатрического института: работал заместителем директора по организации вуза, ученым секретарем, деканом, директором фабрики учебных пособий, организовал и возглавил кафедру анатомии человека.

С началом Великой Отечественной войны эвакуировался в Среднюю Азию, где заведовал кафедрой анатомии Сталинабадского медицинского института (в 1942 г. некоторое время даже руководил этим вузом). С 1943 г. после принятия правительственного решения о слиянии Сталинградского, Астраханского медицинских и Ленинградского педиатрических институтов в один вуз под названием Астраханский мединститут с дислокацией в Барнауле К.В. Ромодановский стал во главе кафедры нормальной анатомии. В 1948 г. он переезжает из Астрахани в Сибирь. Последние двадцать лет своей жизни профессор Ромодановский отдал Новосибирску, реформированию местного медицинского института, где был проректором и заведующим кафедрой анатомии человека. Неустанный труд на избранном поприще талантливого анатомо-лимфолога и организатора науки и высшего образования был отмечен главным орденом страны — орденом Ленина⁶.

Немногочисленные письма К.В. Ромодановского, сохранившиеся в Новосибирском государственном архиве, относятся к омскому периоду его жизни, когда он возглавлял только что созданный за Уралом первый медицинский вуз⁷. Они оказались среди документов со служебной и личной перепиской Вениамина Давидовича Вегмана, изъятой чекистами при его аресте в 1936 г. и переданной в период хрущевской «оттепели» в партийный архив Новосибирской области⁸. Данные письма рассматривались при изъятии как потенциальные вещдоки преступной деятельности «троцкиста» Вегмана, а состоящие с ним в переписке лица как латентные «враги народа». Однако это дело чекистам раскрыть не удалось, главный подозреваемый скончался во время следствия. Письма к нему К.В. Ромодановского еще двадцать лет после

этого находились «под арестом» в местном чекистском управлении.

В 1920–1930-е гг., по воспоминаниям одного из новосибирцев, имя Вегмана было известно каждому жителю сибирской столицы⁹. В честь него были названы улицы, школы и колхозы. Неистовый культуртрегер, он воспринимался в Сибири посланцем В.И. Ленина, которого знал лично и с которым неоднократно встречался. В силу своего особого положения Вегман стоял у истоков большинства тогдашних региональных культурных начинаний: Общества изучения Сибири, Сибирского союза писателей, Сибирской книжной палаты, Сибгосоперы, журнала «Сибирские огни», Сибирской советской энциклопедии, первого сибирского художественного фильма «Красный газ». Многие годы возглавлял Сибархив и Сибистпарт. Был он и во главе комитета содействия строительству здания будущего Новосибирского театра оперы и балета. Пребывание до революции за границей в эмиграции и обучение там настолько сильно повлияли на него, что он воспринимался сибиряками европейцем, разительно отличавшимся от местных номенклатурных большевиков, зачастую малограмотных и невежественных. Вегман знал немецкий язык, следил за новейшей европейской литературой и театральными постановками, был дружен с руководителями дипломатических представительств в Сибири¹⁰.

Все это в целом, по видимости, и создало полюс взаимного тяготения К.В. Ромодановского и В.Д. Вегмана. Оба они являлись редкими по тем временам людьми, о каждом из которых можно было сказать «культурный человек», или, другими словами, — «интеллигентный человек», обязательной составляющей которого, к слову, являлось увлечение высоким искусством, в том числе и классической музыкой. Помимо того что они были «культурными людьми», они были еще и «людьми культуры», ее ярчайшими сибирскими представителями. Для советского времени, к сожалению, это далеко не всегда одно и то же: «культурный человек» мог быть «человеком культуры» (врачом, ученым, инженером, писателем, преподавателем, артистом, художником и т.д.), но «человек культуры» не всегда был «культурным человеком». Таковы были особенности российской революционной действительности и последующих советских десятилетий. И это обстоятельство еще теснее объединяло узкий

круг «культурных людей», связывало их взаимной симпатией и желанием помогать друг другу.

Как известно, в начале 1920-х гг. в Омске находились всесибирские органы власти и управления, так называемые сибы. Именно в это время здесь был организован первый в азиатской части страны медицинский вуз, детище советской власти, ответственность за создание и дальнейшее существование которого разделял, как один из большевистских руководителей Сибири, В.Д. Вегман¹¹. Именно это позволило К.В. Ромодановскому после переезда Вегмана из Омска в сибирскую столицу Новониколаевск (Новосибирск) обращаться к нему с разными письменными просьбами и ходатайствами, связанными с судьбой института. Публикуемые ниже документы — ярчайшее тому свидетельство. Письма эти вряд ли можно отнести к служебным бумагам, скорее, они свидетельство дружеских доверительных отношений между их автором и В.Д. Вегманом.

Сегодня заслугой К.В. Ромодановского считается, что он в труднейшее время смог уберечь омский медицинский от закрытия и добился его бюджетного финансирования, проявив при этом блестящие организаторские способности. По-видимому, одним из приемов в борьбе за выживание института его ректор считал положительные впечатления о вузе высоких партийных функционеров из Москвы. Думается, что здесь фигура Вегмана, авторитетного представителя региональной власти, была ключевой. В ходе знаменитой поездки по городам Сибири в 1923 г. нарком просвещения А.В. Луначарский на обратном пути из Новониколаевска сделал остановку в Омске. Еще по пути в сибирскую столицу, встречая поезд со столь редким для Сибири гостем, студенты и руководство мединститута во главе с К.В. Ромодановским получили от наркома обещание посетить на обратном пути вуз. Вернувшись в Омск, он не только осмотрел мединститут, но и дал ему высокую оценку, пообещав включить в золотой фонд Наркомпроса. Особенно порадовали наркома анатомический музей и библиотека института¹². Благоприятные впечатления от увиденного, по всей видимости, подпитывались услышанным в Новониколаевске, где он встречался с хорошо знакомым ему Вегманом, которого называл «нашим старым товарищем»¹³. Отъезжая из Омска, А.В. Луначарский в беседе с корреспондентом

Г.А. Вяткиным счел нужным отметить местный медвуз еще раз. В омской прессе впечатления наркома просвещения были изложены следующим образом: «Что касается медицинского института, — продолжал т. Луначарский, — то он, по-видимому, еще недостаточно окреп, недостаточно тверд и еще год тому назад был под сомнением, но ныне его первооснова, его зерно, если можно так выразиться, имеет все шансы на дальнейшее развитие, и я склонен думать, что мединститут вполне доказал свою жизнеспособность. Профессура работает охотно и добросовестно, студенты же, как мне передавали, тоже проявили и работоспособность и энергию, и потому вывод мой таков, что омский медицинский институт нужно сохранить во что бы то ни стало. А для этого нужны совместные усилия государства и местного населения, и надо надеяться, что последнее сумеет оценить роль и значение мединститута и будет, по мере сил, поддерживать его своими местными средствами»¹⁴. Мнение о вузе столь известного партийца, несомненно, стало своеобразной индульгенцией, помогающей отстоять право на существование института.

В конце 1928 г., когда А.В. Луначарский приехал в Сибирь во второй раз, Омский медицинский институт во многом стараниями К.В. Ромодановского обрел статус государственного вуза с бюджетным финансированием, получил новые помещения, обогатился специальной литературой (библиотекой ликвидированного Общества русских врачей Москвы). На совещании ректоров в окружном исполкоме с участием Луначарского Ромодановский озвучил острейшие проблемы жизни омской высшей школы: нехватка помещений, отсутствие заграничного оборудования, недостаток выделяемых кредитов, необходимых средств на научные и учебные нужды. Нарком обещал оказать помощь и даже поставить вопрос о сибирских учебных заведениях и их специфических потребностях на заседании Совнаркома. Впечатления от Омска, в том числе от посещения мединститута, Луначарский сформулировал так: «Но если внешний вид Омска мало изменился, то внутренний рост его не подлежит никакому сомнению. Два института, ветеринарный и медицинский, за промежуток в пять лет выросли и окрепли»¹⁵. Эти слова наркома просвещения можно считать своеобразным итогом масштабной деятельности Ромодановского на посту руководителя омского вуза.

Для решения проблем сохранения и укрепления мединститута его ректор использовал и личные связи с видным большевиком Сибири. Как следует из октябрьской 1926 г. записки, переданной К.В. Ромодановским В.Д. Вегману во время пребывания последнего в Омске, ее автор касался не только проблем своих непростых отношений с военным ведомством, в которые был посвящен адресат, но и напоминал о предстоящей встрече в научно-исследовательском бюро в плановой комиссии местного окружного исполкома. По-видимому, Ромодановский приглашал Вегмана посетить созданные при мединституте клиники (необходимая составляющая нормальной работы любого медвуза), но Вегман из-за отсутствия времени не осмотрел их, чем вызвал глубокое сожаление своего омского визави: «Что же это Вы не пришли посмотреть клиники?»¹⁶

В марте 1929 г., уже после возвращения К.В. Ромодановского из Германии, где он был на стажировке у профессоров Кайбеля и Кучинского в Берлине, ректор Омского медицинского института просил В.Д. Вегмана содействовать зарубежной научной командировке сотрудника своего института профессора И.С. Пентмана. По-видимому, К.В. Ромодановский сознавал, что в отношении профессора могут возникнуть трудности в краевом административном отделе, дававшем разрешение на выезд за границу, поэтому просил подключиться к решению вопроса В.Д. Вегмана, который лично знал командированного.

Несколько слов о самом Пентмане, которого сегодня в Омской медицинской академии называют «энциклопедически подготовленным педагогом и ученым»¹⁷. Это позволит понять почему Ромодановский приложил усилия к отправке его в командировку и даже задействовал для дополнительной поддержки имевшиеся неформальные каналы. Израиль Соломонович Пентман, омич по своему рождению, окончил медицинский факультет Базельского университета в Швейцарии, защитив диссертацию на степень доктора медицины. Из-за начавшейся Первой мировой войны вернулся в Россию, получил диплом врача в Томском императорском университете и был отправлен полковым врачом в действующую армию. В 1918 г. возвратился в Омск, после открытия медицинского института стал преподавать. Вместе с К.В. Ромодановским стоял у истоков создания кафедр гистологии,

патологической анатомии и общей патологии, одной из которых руководил, на других — преподавал по совместительству. В течение десяти лет, заведя кафедрой патологической физиологии, развернул широкую экспедиционную деятельность по сбору эпидемиологического и клинического материала на территории Западной Сибири с целью разработки лечебных и профилактических мероприятий¹⁸. В 1932 г. для организации кафедры патофизиологии И.С. Пентмана перевели в Новосибирск. В сибирской столице его судьба сложилась трагически. По свидетельству работавшего вместе с Пентманом выдающегося советского терапевта-клинициста и кардиолога академика АМН СССР А.Л. Мясникова, оставившего яркие воспоминания о Новосибирске 1930-х гг., в период большого террора после устранения «сталинского заместителя в Сибири» Р.И. Эйхе «патофизиолог, профессор, милейший и культурный человек Пентман, когда-то работавший у Негели в Германии, был арестован; его обвиняли в том, что он (еврей) — гитлеровский шпион и „готовил чуму в Сибири“; Пентман погиб»¹⁹.

Известно, что К.В. Ромодановский не один раз ходатайствовал по поводу заграничных командировок И.С. Пентмана: в 1923 г. он обратился в отдел медицинского образования Главпрофобра с просьбой разрешить Пентману поездку в Германию, которая была нужна еще и в связи с несчастным случаем. На одной из улиц Омска оглоблей встречного экипажа Пентману достаточно сильно разбили правую сторону лица, требовалась серьезная операция для ликвидации последствий полученного удара. Ромодановскому удалось убедить высокое московское начальство в необходимости командировки, и Пентману сделали успешную операцию в Берлине²⁰.

В документах, направленных в 1929 г. Вегману, Ромодановский просил отпустить Пентмана за границу для участия в съезде патологов, который должен был учредить международное общество географической патологии. Ромодановский писал, что Пентман и другие сотрудники Омского медицинского института уже начали изучение болезней, связанных с местными условиями, вероятно имея в виду развернувшуюся экспедиционную деятельность. Участие в организации общества должно было дать новые возможности для решения обозначенного вопроса. Однако бюрократические проволочки

краевых органов могли сорвать эту поездку, разрешенную уже в Москве наркоматом просвещения. В письме Ромодановского Вегману сообщалось: «Вы знаете проф[ессора] Пентмана и поймете ту важность, которую представляет для Института как его командировка вообще, так и особенно его участие в съезде, от которого могут последовать большие выгоды для развития в Сибири того важного дела, которое уже начато проф[ессором] Пентманом». В самом конце послания Ромодановский счел необходимым сделать неформальную приписку: «Крепко жму Вашу руку и заранее благодарю за помощь в этом деле»²¹.

Обращался Ромодановский к старейшему большевику Сибири и с просьбами, которые не были напрямую связаны с интересами Омского медицинского института и его сотрудников. В 1925 г. он написал письмо Вегману, содержание которого говорит нам, что Ромодановский был причастен и к музыкальной жизни Омска. Зная Вегмана как страстного меломана, он просил его помочь в предоставлении командировки от Сибнаробраза дочери доктора Лейбовича для поступления в Ленинградскую консерваторию. В несколько шуточной форме, не умаляющей, однако, серьезности просьбы, Ромодановский писал Вегману: «Обращаюсь к Вам как к сибирскому меценату с просьбой способствовать осуществлению этого дела. Голос у нея дивный. Она сначала училась в Омском муз[ыкальном] техникуме, последние же два года в Ленинграде готовилась к поступлению в консерваторию. Буду крайне благодарен за исполнение просьбы»²².

Вероятно, в письме речь идет об известном омском враче А.И. Лейбовиче и его дочери²³. Именно в эти годы в Ленинградской консерватории среди учениц знаменитой вагнеровской певицы первой четверти XX в. солистки Мариинского театра Софьи Владимировны Акимовой, жены великого русского оперного певца Ивана Васильевича Ершова, появилась М.А. Лейбович, которая, видимо, и была той самой обладательницей «дивного голоса» из Омска. В мемуарах С.Ф. Акимовой ее ученица М.А. Лейбович упоминается дважды. В первый раз — при перечислении наиболее успешных учеников, затем — как молодой педагог вокальной кафедры Ленинградской консерватории и вокального класса в Ленинградском музыкальном училище²⁴.

К.В. Ромодановский вполне оправданно называл В.Д. Вегмана «сибирским меценатом». В то время огромное количество представителей театральной интеллигенции обращалось к нему со сходными просьбами. Это были и режиссеры, и дирижеры, и певцы, и танцовщики, и драматические актеры, причем как столичные (например, из Большого театра), так и местные, сибирские (из Сибгосоперы)²⁵. Поэтому для Вегмана в просьбе Ромодановского о покровительстве молодому вокальному таланту, думается, не было ничего удивительного.

Все эти письма являются несомненным свидетельством одной отличительной черты отечественной интеллигенции, неотъемлемо присущей ей в рассматриваемое время, — взаимовыручки, взаимоподдержки и оказания помощи одаренным и талантливым людям культуры. И сами участники переписки, и фигурирующие в ней персонажи говорят однозначно, что перед нами единый социум, спаянный общими социокультурными ценностями и интересами. Ярчайшее, неординарное окружение, факт общения с ним, отразившийся в этих письмах, красноречиво говорит нам о масштабе личности и самого профессора Ромодановского.

Письмо ректора Омского медицинского института К.В. Ромодановского В.Д. Вегману с просьбой помочь в предоставлении командировки дочери доктора А.И. Лейбовича в связи с поступлением в Ленинградскую консерваторию

7 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Вениамин Давыдович!

Одновременно с этим письмом я послал в Сибано ходатайство д[окто]ра Лейбовича о предоставлении командировки его дочери для поступления в Ленинградскую Консерваторию. Обращаюсь к Вам как к сибирскому меценату с просьбой способствовать осуществлению этого дела. Голос у нея дивный. Она сначала училась в Омском муз[ыкальн]ом техникуме, последние же два года в Ленинграде готовилась к поступлению в консерваторию.

Буду крайне благодарен за исполнение просьбы.

Уважающий Вас К. Ромодановский.

ГАОУ, ф. П-5 а, оп. 1, д. 309, л. 42. Рукописный подлинник на бланке ректора Омского медицинского института, автограф. Датирован по рукописной дате в бланке.

Опубликовано: Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: Сб. документов к 90-летию Сибархива / Сост. Л.С. Пащенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. С. 285.

Записка ректора Омского медицинского института К.В. Ромодановского В.Д. Вегману об отношениях с военным ведомством и встрече в научно-исследовательском бюро Омского окрплана

8 октября 1926 г.

Глубокоуважаемый Вениамин Давыдович!

С начальником санитарной части Сибири — Осиповичем я дотолковался обо всем (он^а сейчас в Омске^б). В связи с этим прошу Вас газетной статьи об отношениях с Воен[ным] Вед[омством] не помещать. Что же это Вы не пришли смотреть клиники? Завтра увидимся на заседании научно-исслед[овательского] бюро в Окрплане.

Жму руку К. Ромодановский.

8/X 26.

ГАОУ, ф. П-5 а, оп. 1, д. 311, л. 122. Рукописный подлинник, автограф.

Письмо ректора Омского медицинского института К.В. Ромодановского В.Д. Вегману с просьбой поддержать ходатайство об ускорении выдачи документов профессору И.С. Пентману для заграничной командировки

16 марта 1929 г.

Глубокоуважаемый Вениамин Давыдович!

Посылаю Вам в копии ходатайство перед Сибкрайоно об ускорении разрешения вопроса о выдаче проф[ессору] ПЕНТМАНУ документов для заграничной командировки и очень прошу Вас оказать содействие к скорейшему разрешению этого дела.

Вы знаете проф[ессора] ПЕНТМАНА и поймете ту важность, которую представляет для Института как его командировка вообще,

^{а-б} Вписано простым карандашом над строкой.

так и особенно его участие в съезде, от которого могут последовать большие выгоды для развития в Сибири того важного дела, которое уже начато проф[ессором] ПЕНТМАНОМ.

Прошу Вас поддержать нашу просьбу, как в Сибкрайно, так и в Адм[инистративном] Отделе Сибкрайисполкома, которому одновременно телеграфировано.

Крепко^а жму Вашу руку и заранее благодарю за помощь в этом деле^б.

Ваш К. Ромодановский.

ГАНУ, ф. П-5 а, оп. 1, д. 313, л. 133. Машинописный подлинник на бланке ректора Омского медицинского института, формула подписи — автограф. Напротив последнего машинописного абзаца на левом поле напечатано: «В.Д. ВЕГМАНУ». Датирован по рукописной дате в бланке.

Ходатайство ректора Омского медицинского института К.В. Ромодановского перед уполномоченным Наркомпроса по вузам Сибири об ускорении выдачи документов профессору И.С. Пентману для заграничной командировки

16 марта 1929 г.

УПОЛНАРКОМПРОСА ПО ВУЗАМ
СИБИРИ
Сибкрайно

Особой Комиссией при Наркомпросе решена научная командировка за границу проф[ессору] И.С. ПЕНТМАНУ, причем особый интерес этой командировки — участие Пентмана в съезде Патологов, на котором имеет создаться международное об[щест]во географической патологии. Проф[ессором] Пентманом совместно с рядом сотрудников в Омске уже начаты работы по изучению заболеваний, связанных с краевыми условиями. Участие в создании указанного международного об[щест]ва должно повлечь дальнейшую систематическую разработку этого вопроса. Чтобы успеть к съезду необходимо выехать из Омска в ближайшие дни.

Правление Мединститута просит Вас подтвердить ходатайство об ускорении рассмотрения этого вопроса в Краевом Администр[ативном] Отделе, куда направлены документы

проф[ессора] Пентмана и куда одновременно посылается телеграфное ходатайство об ускорении. Вместе с просьбой об ускорении решения вопроса Правление просит, чтобы Адм[отдел] о результатах послал Омскому Адм[отделу] ответ телеграфом, ибо скорейшее разрешение вопроса весьма важно для Мединститута.

П[одлинный]/п[одписал]
Ректор Ромодановский.

ГАНУ, ф. П-5 а, оп. 1, д. 313, л. 134. Машинописная копия на бланке Омского медицинского института, заверенная подписью секретаря правления института. Формула «П[одлинный]/п[одписал]» и фамилия ректора вписаны рукой заверителя. Той же рукой сверху документа помечено: «Копия». Датирован по рукописной дате в бланке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рубина М.И., Вершинина И.Я. Новосибирский академический. Новосибирск, 1979. С. 18.

² См., напр.: Омская медицинская академия (исторический очерк). Омск, 1995. С. 5, 47–50, 54; Таскаев И.И., Семченко В.В., Юдичев Ю.Ф. Исторический очерк развития морфологии в Омске. Омск, 1995. С. 22, 27, 29, 30, 42, 96, 98; Источник милосердия: История Омской государственной медицинской академии. 1920–2010 гг. Омск, 2010. С. 12, 38, 144; История кафедры анатомии человека Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spma-anatomy.spb.ru/history1.htm>; и др.

³ Мальшева С. «Великий исход» казанских университетариев в сентябре 1918 г. // Эхо веков: Науч.-документальный журн. 2003. № 1/2. С. 91–92.

⁴ Чудинов Д.К. Из недавнего прошлого // Просвещение Сибири. 1927. № 10. С. 34; Соскин В.Л. Культурная жизнь Сибири в первые годы НЭПа (1921–1925 гг.). Новосибирск, 1971. С. 294.

⁵ О нем более подробно см.: Омская государственная медицинская академия. [Электронный ресурс]. URL: <http://omsk-osma.ru/istoricheskaya-spravka-kafedry-anatomii-cheloveka/>.

⁶ Железный П.А. Ромодановский Константин Владимирович // Новосибирск: Энцикл. Новосибирск, 2003. С. 742.

⁷ ГАНУ, ф. П-5 а, оп. 1, д. 309, л. 42; д. 311, л. 122; д. 313, л. 133, 134; Вениамин Вегман: Государственная, научная и общественная деятельность: Сб. документов к 90-летию Сибархива / Сост. Л.С. Пашенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск, 2010. С. 285.

^{а-б} Приписано чернилами от руки.

⁸Подробнее о В.Д. Вегмане см.: *Познанский В.С.* Ортодоксальный марксист-ленинец В.Д. Вегман // *Общественно-политическая жизнь в Сибири. XX век.* Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 3–20; *Павлова И.В.* В.Д. Вегман: Штрихи к портрету // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2000. № 2. С. 35–40; *Тепляков А.Г.* Вениамин Вегман: Материалы к биографии // *Сибирские огни.* 2007. № 4. С. 171–178; *Тепляков А.Г., Красильников С.А.* Обретения и потери Вениамина Вегмана // *Вениамин Вегман.* С. 3–21.

⁹*Амишинский Н.* Здесь в каждой веточке цветет моя любовь // *Мой Новосибирск: Книга воспоминаний / Авт.-сост. Т.И. Иванова.* Новосибирск, 1999. С. 26–27.

¹⁰Весьма характерны в этом отношении сохранившиеся письма на немецком языке германского консула в Новониколаевске В.Ф. Гросскопфа, в которых он и его супруга благодарят В.Д. Вегмана за радость, полученную от чтения номера «Сибирских огней» с повестью В.Я. Зазубрина «Общежитие», избличенной тогдашней советской критикой, сообщают о присылке немецких изданий книг, интересующих В.Д. Вегмана, и публикаций с театральной критикой по поводу новейшей европейской постановки комедии Аристофана «Лисистрата» (ГАНО, ф. П-5 а, оп. 1, д. 308, л. 6–6 об.; д. 309, л. 111–112; д. 311, л. 124; д. 313, л. 179).

¹¹В конце 1920 г. В.Д. Вегман участвовал в дискуссии на страницах газеты «Советская Сибирь» в связи с открытием в Сибирском ветеринарно-зоотехническом институте на правах факультета медицинского отделения во главе с К.В. Ромодановским (основы будущего мединститута). См.: *Таскаев И.И., Семченко В.В., Юдичев Ю.Ф.* Исторический очерк... С. 21.

¹²*А.Г. А.В. Луначарский* в мединституте // *Рабочий путь.* 1923. 2 июня. № 121.

¹³Свои впечатления о пребывании А.В. Луначарского в Новониколаевске В.Д. Вегман изложил на страницах омских газет. См.: *Вегман В.* Тов. Луначарский в Сибири. (Письмо из Ново-Николаевска) // *Рабочий путь.* 1923. 24 мая. № 114.

¹⁴*Г. В[яткин].* Впечатления от Омска (вторая беседа с наркомом просвещения А.В. Луначарским) // Там же. 1923. 2 июня. № 121; *Таскаев И.И., Семченко В.В., Юдичев Ю.Ф.* Исторический очерк... С. 95.

¹⁵*Луначарский А.В.* Месяц по Сибири. По Среднему Поволжью. Л., 1929. С. 8; *Таскаев И.И., Семченко В.В., Юдичев Ю.Ф.* Исторический очерк... С. 96–98.

¹⁶ГАНО, ф. П-5 а, оп. 1, д. 311, л. 122.

¹⁷См.: Омская государственная медицинская академия. [Электронный ресурс]. URL: <http://omsk-osma.ru/istoricheskaya-spravka-kafedry-gistologii-citologii-i-embriologii/>.

¹⁸*Долгих В.Т., Таран Н.И., Золотов А.Н.* Кафедра патофизиологии с курсом клинической патофизиологии Омской государственной медицинской академии 90 лет // *Бюллетень сибирской медицины.* 2012. Т. 11, № 1. С. 217–218.

¹⁹*Мясников А.Л.* Я лечил Сталина: Из секретных архивов СССР. (С участием Е.И. Чазова). М., 2011. С. 166.

²⁰Об этом см.: Омская государственная медицинская академия. [Электронный ресурс]. URL: <http://omsk-osma.ru/istoricheskaya-spravka-kafedry-gistologii-citologii-i-embriologii/>.

²¹ГАНО, ф. П-5 а, оп. 1, д. 313, л. 133, 134.

²²Там же, д. 309, л. 42; Вениамин Вегман. С. 285.

²³Дом, в котором он проживал, признан сегодня памятником истории и культуры Омской области и внесен в список региональных объектов культурного наследия («Дом врача А.И. Лейбовича» (1900-е гг.), Лермонтова, 39). См.: Список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся на территории Омской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibmincult.ru/news_2008/bilds.php.

²⁴*Акимов С.Ф.* Воспоминания певицы / Публ. Г.Г. Тигранова. Л., 1978. С. 94; *Она же.* Об увлечении великим Вагнером: Воспоминания певицы. [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kriwosheina_ksenija_igorewna/text_0360.shtml. В кратком перечне педагогов консерватории, приведенном в юбилейном издании, значит: «Лейбович Мария Абрамовна (р. 1905). Окончила 1932 по кл[ассу] пения С. Акимовой. 1936–60 преподавала сольн[ое] пение. 1945 доц[ент]» (100 лет Ленинградской консерватории: Исторический очерк. Л., 1962. С. 252).

²⁵См., напр., опубликованные письма к В.Д. Вегману режиссера И.Г. Калабухова, певцов К. Каренина и В. Безпалова, балерины О. Вронской, дирижера Я.А. Позена и др. (Вениамин Вегман. С. 245–247, 269–270, 279, 315–316).